

1941 —
Работа над ошибками

Глава I

Сергей Иванович очнулся от боли в голове. Кровь стучала в висках, дышалось с трудом. И еще почему-то было очень жарко. Он тяжело заворочался, готовясь к привычной боли во всем теле при вставании, но тело послушалось неожиданно легко. Открыв глаза, Сергей Иванович с изумлением огляделся вокруг.

Еще вчера, холодным ноябрьским вечером 2014 года, он заснул у себя — в однокомнатной клетушке на окраине Москвы, после очередной жаркой дискуссии на одном из форумов о Великой Отечественной войне. Снова обсуждали начало войны, Белостокский «котел», долго и упорно спорили о том, как бы оно тогда было, если бы было по-другому. Сам Сергей, как обычно, настаивал на том, что командование Западного Особого военного округа, в попытке организовать изначально малореальный в текущих условиях контрудар под Гродно, своими непродуманными приказами только спровоцировало суматошные и бестолковые метания войск 3-й и 10-й армий по Белостокскому выступу. В результате чего просто раздергало части и соединения войск первого приграничного эшелона, и это не позволило им построить эффективную оборону. Ну и много чего еще вчера обсуждали. И традиционные, уже почти канонические «причины неудач на первом этапе войны», и тактику со стратегией. А еще обсуждали технику, вооружение, снаряжение и прочие материальные аспекты обеспечения боевых действий, при этом сравнивая наши и немецкие образцы. В результате дискуссии, тоже уже традиционно, ни к какому общему

мнению опять не пришли, и Сергей, засыпая, все прокручивал в голове аргументы и контраргументы этой жаркой виртуальной баталии.

А сейчас вокруг него было жаркое лето, пыльный проселок возле небольшой речушки и трупы в форме красноармейцев. И его тело, тоже в красноармейской форме. Стоп, — его тело в красноармейской форме?! Но это вовсе не его тело! Его — старое, израненное тело 68-летнего военного пенсионера — осталось там, в далеком теперь 2014 году и в другой реальности, а вот сознание каким-то необъяснимым образом оказалось в молодом и относительно здоровом теле, облаченном в форму командира Красной Армии с двумя лейтенантскими «кубарями» в петлицах.

— Ну, вот вам и здравствуйте. Это что же, выходит, я на эту войну из своего времени попал? А значит, могу не в разговорах и спорах, а в реальности — вот здесь и сейчас — попытаться исправить то, что хотел бы исправить в той, прошлой жизни?

И вновь проваливаясь в забытье от внезапно накатившей слабости, Сергей Иванович только и успел еще подумать: «Ну вот — сбылась мечта идиота».

Сергею Ивановичу Иванову, 1946 года рождения, стать военным было, что называется, «на роду написано». Его родители оба были военнослужащими, отец — командир танковой роты, мама — военный врач — встретились они как раз во время Великой отечественной войны, потом, после войны, вместе служили и защищали Родину там, где это было нужно стране. Вместе и погибли при подавлении контрреволюционного переворота в Венгрии в 1956 году: мама при нападении озверевших «сторонников демократизации» на военный госпиталь в период, когда войскам была дана команда «не поддаваться на провокации, огня не открывать», а отец чуть позже сторел в танке при штурме Будапешта.

Десятилетнего Сергея переправили в Союз и определили в Суворовское военное училище, а после него он поступил в Московское высшее военное командное училище, где как раз начали готовить офицеров мотострелковых войск. Окончив его, Сергей Иванов потом долго служил Родине там, куда его направляли. Изрядно помотался по миру, воевал и учил воевать разные «братские народы». Египет, Йемен, Сирия, Мозамбик, Ангола, Эфиопия. А потом был Афганистан — и тоже не в штабах и на теплых местах, куда попасть можно было единожды на год-два-три и по большому благу, а в самых горячих и опасных местах, служить и воевать в которых, желающих было не так уж и много. За время службы Родине получил много ранений, в том числе несколько тяжелых. И прилично боевых наград, в том числе иностранных, от «братских народов», но при этом выше должности командира отдельного разведывательного батальона мотострелковых войск и звания подполковник так и не поднялся, поскольку под начальство не прогибался и говорил, что думал, а не то, что надо было говорить. Спутницу жизни при такой насыщенной, но крайне непредсказуемой и малокомфортной службе не встретил, детей не завел. Дослужил до распада Союза, потом армию начали «реформировать» и Сергея уволили на пенсию. Дали маленькую квартирку в пригороде Москвы, мизерную пенсию, и Родина посчитала, что сделала для Сергея Ивановича Иванова все, что должна. Правда, к тому времени и Родины, которой служил и за которую воевал Сергей Иванович, уже не было. Дальше жил по инерции.

Пытался преподавать военное дело в школах и на военных кафедрах институтов, но ясно видел, что это не нужно ни тем, кого учил, ни государству, для которого учил. В последние годы, правда, ситуация и с армией, и с отношением к армии в обществе начала понемногу выправляться. Вспомнили о фронтовиках и ветеранах,

прибавили денежное довольствие и пенсии, потихоньку стали вспоминать и Войну, и Победу, и связь всего этого с современными реалиями. Отставной подполковник Сергей Иванович Иванов, вместе с несколькими такими же, как и он сам, ветеранами старой школы, организовали военно-патриотический клуб, возились с подростками, пытаясь в условиях западной пропаганды все же воспитать их мужчинами и патриотами России, а не «общечеловеками» с правами, но без обязанностей. И для души, в минуты отдыха — история Второй мировой, форумы в Интернете по ее событиям и вариантам этих событий, общение с единомышленниками и споры с оппонентами. А еще, помимо штудирования исторической и документальной литературы, увлечение литературой в жанре альтернативной истории. Читая и сопоставляя как факты, так и различные альтернативные версии событий Великой Отечественной, осмысливая их в контексте своего военного образования и личного боевого опыта, Сергей Иванович в последнее время все чаще задумывался. Задумывался о том, что и как он сам сделал бы тогда — в том кровавом и беспощадном разгроме июня сорок первого, чтобы изменить ход войны, уменьшить трагедию приграничных окружений и поражений Красной Армии. И все чаще ему хотелось попасть туда, в то тяжелое, но светлое и честное время, когда люди его страны в едином порыве строили для себя и своих потомков светлое будущее, мечтали о новой жизни и своими руками создавали эту жизнь. Когда советский народ — весь советский народ, единый народ единой тогда страны, — не жалея себя и своей жизни защищал свою общую Родину от врага. Теперь, похоже, его мечты каким-то образом обрели материальность, и у Сергея Ивановича появился так настойчиво желаемый шанс.

Вновь очнувшись, Сергей (в связи с резким омоложением организма как-то очень естественно отбросивший

отчество) почувствовал себя гораздо лучше и осмотрелся вокруг внимательнее. Судя по положению солнца и еще не до конца высохшей росе на придорожной траве, день только начинался. Сам Сергей находился в небольшом и не очень густом кустарнике, на границе перелеска и большого луга, по которому проселочная дорога изгибалась к протекающей рядом речке с небольшим деревянным мостом. От места, где Сергей пришел в себя, до дороги было метров пятьдесят, и она была густо усеяна трупами. По совокупности признаков было очевидно, что маршевую колонну советской пехоты, так не вовремя вышедшую на луг, заметила и накрыла с воздуха вражеская авиация. Солдаты ринулись от бомбежки в лес, но добежать, как явно было видно по количеству и расположению тел, успели немногие. Сам Сергей, судя по боли в голове в момент прихода в сознание, скорее всего, получил контузию от близкого разрыва авиабомбы и потерял сознание. А потом выжившие остатки взвода ушли, сочтя своего командира мертвым.

«А может, он уже и был мертвым или умирал, пока я не «подселился», — подумал Сергей. — Вот и последствия «его» контузии я с каждой минутой ощущаю все меньше. — Кстати, а кто я теперь?»

Из нагрудного кармана гимнастерки Сергей достал документы на имя Иванова Сергея Николаевича, 1913 года рождения, командира стрелкового взвода стрелковой роты 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой Омской дважды Краснознамённой дивизии имени Итальянского пролетариата. Сергей помнил, что в его варианте истории 22 июня 1941 года части дивизии находились на границе в районе Августова, Граево, Сухово. Там дивизия приняла первый бой с 256-й и 162-й пехотными дивизиями вермахта. Дивизия вступила в бой разрозненно, её части сражались изолированно друг от друга, без единого управления, взаимодействия и связи. Основная часть дивизии

под угрозой окружения была вынуждена без боя отступить в направлении реки Бобр, где заняла рубеж обороны, который был прорван вечером того же дня. На 23 июня дивизия прикрывала район населенного пункта Сокулка, часть её подразделений сделала неудачную попытку отбить Домброво. 24 июня дивизия, в которой уже насчитывалось около 60 процентов состава, получила приказ на контрнаступление. На 25 июня дивизия заняла рубеж на реке Свислочь, получив приказ «стоять и сражаться насмерть», прикрывая отходившие части армии, где и была уничтожена. Вот, скорее всего, во время беспорядочного отступления подразделений дивизии от границы его взвод в составе отступающей ротной колонны и попал под бомбежку.

— Повезло, что фамилия и имя совпали, — порадовался Сергей. — Проще будет адаптироваться к окружающей обстановке. Теперь выяснить бы, где это я конкретно очутился? И какое сегодня число?

Увы, с этим были проблемы. Планшета с картой у него не было, спросить не у кого.

— Ладно, пока это оставим, сейчас надо вооружаться и двигать отсюда.

Лежавший у него в кобуре ТТ (Тульский, Токарева, образца 1933 года.) Сергей за серьезное оружие не считал, но и брать «мосинку» (7,62-миллиметровую винтовку образца 1891/1930 годов, конструктора Мосина), которыми в большинстве своем были вооружены убитые бойцы, он не хотел. Да, винтовка надежная и безотказная в любых условиях, большая живучесть ствола и затвора, хорошая баллистика и высокая мощность патрона. Знаменитая винтовка, прошедшая три войны и модернизацию только через сорок лет, что говорит о совершенстве изначального варианта. Но при этом — тяжелая, с длинным и крайне устаревшим игольчатым штыком, крепящимся на стволе, а не на ложе. И совершенно не подходящая для неужи-

данных, скоротечных схваток, возможно, предстоящих Сергею при его блужданиях в поисках советских войск.

— Эх, мне бы пулеметик, — грустно пробормотал Сергей, быстро осматривая оружие погибших бойцов, но сам при этом понимая, что ручные пулеметы, и так не очень щедро положенные по штату на роту, выжившие бойцы вряд ли бы оставили.

Пулемета в наличии не было, взять его было негде, но на обочине дороги, чуть в стороне от убитых, были сложены кучкой несколько СВТ-40. Видимо, выжившие бойцы оставили свои «светки», взяв взамен у убитых мосинские винтовки. И Сергей ясно понимал — почему. Дело в том, что 7,62-миллиметровая самозарядная винтовка системы Токарева (образцов 1938 и 1940 годов.) в Красной Армии приобрела славу не слишком надёжного оружия, сильно чувствительного к загрязнению и капризного в морозы. Большинство солдат, будучи призванными из крестьян и соответственно имея низкий уровень образования и подготовки, не понимало ни устройства винтовки, ни необходимости тщательно следить за ней, ни требований соблюдать правила смазки. Частые проблемы также были связаны с неправильной установкой положения газового регулятора. Поэтому такие бойцы старались при любой возможности поменять СВТ на привычную и простую в обслуживании мосинскую трехлинейку.

Но Сергей знал и другое. Многие подразделения и отдельные солдаты Красной Армии, имевшие достаточную подготовку, в частности морская пехота, весьма успешно применяли СВТ вплоть до конца войны. Кроме того, и в финской, и в немецкой армии весьма ценили трофейные СВТ — немцы даже приняли эту винтовку в качестве оружия ограниченного стандарта и вооружали захваченными в виде трофеев СВТ целые подразделения своих войск. К тому же в войсках противника СВТ использовали и обслуживали гораздо более грамотно, что позволяло

существенно уменьшить её врождённые недостатки. А основное достоинство этой самозарядной винтовки — существенно большая, чем у обычных винтовок, огневая мощь. Боевая скорострельность СВТ составляла 20–25 выстрелов в минуту. Тогда как у немецкой винтовки Mauser 98k (основная винтовка вермахта во Второй мировой войне) скорострельность была на уровне 12–15 выстрелов в минуту при практически той же дальности стрельбы. А у винтовки Мосина и того меньше — всего 10 выстрелов в минуту.

Поэтому Сергей без раздумий вооружился наиболее ухоженной, по внешнему виду и результатам неполной разборки, винтовкой СВТ-40. Затем, быстро перетаскав в перелесок, метров на сто от дороги, все оставшиеся «светки» в количестве 11 штук, все найденные патроны и несколько шинелей, а также пехотную лопатку, он сделал захоронку, куда сложил остальные «светки» и излишки патронов. Себе оставил пехотную лопатку, СВТ без штыка и стандартный тройной боекомплект патронов в вещмешке — брать больше посчитал ненужным, чтобы не ограничивать подвижность. Собравшись, Сергей двинулся по лесу вдоль дороги в направлении на восток, рассудив, что так он быстрее встретит кого-нибудь из своих, также отступающих от границы. Да, своих, поскольку Сергей уже перестал рефлексировать по факту своего «попаданчества» и готовился приложить все силы, чтобы хоть немного изменить расклады первых дней войны, разгромных для Красной Армии. И все, кто воевал с немцами, для него однозначно стали своими.

Но первыми он увидел, — а вернее, услышал, — именно чужих. Пройдя по кромке леса примерно полтора километра и выйдя к месту, где грунтовая дорога была стиснута с одной стороны подступившим к ней подлеском, а с другой — рекой, Сергей услышал шум и немецкую речь. Пригнувшись и совершив короткую перебежку в глуби-

ну леса, он скинул поклажу и с СВТ в руках по широкой дуге пополз к дороге. Там, осторожно выглянув из придорожных кустов на уровне земли, Сергей увидел идиллическую картину: «непобедимые солдаты вермахта на отдыхе». Примерно в двадцати метрах по другую сторону от дороги, на берегу реки, в тени нескольких раскидистых деревьев, стоял тяжелый мотоцикл с коляской, в передней части которой на специальном поворотном вертлюге был смонтирован пулемет, сейчас расслабленно упирающийся свой задранный ствол в небо, а из реки доносился веселый гогот, перемежаемый немецкой речью. Увидев эту картину, Сергей предвкушающе оскалится.

— Так, что это за гуси у нас тут разгоготались? Надо же, немчики, — какая неожиданная и волнительная встреча! Исходя из того, что мотоцикл один, их там никак не более трех. Скорее всего, немецкий патруль или разведка передовых частей, а в ходе выполнения боевой задачи попутно освежиться решили, сволочи. Так я вам в этом деле всемерно помогу, как говорится, заодно и поможетесь... в последний раз... Интересно, они хоть дозор выставили, или сразу все в воду полезли, — пробормотал Сергей, ползком преодолев дорогу и пробираясь к мотоциклу в высокой траве.

Подобравшись ближе, он с мрачным удовлетворением убедился, что легкая война в Европе и успехи первых дней боев в Белоруссии сыграли с хваленой немецкой педантичностью злую шутку — дозор немцы не выставили. Конечно, и все втроем они в речку не полезли — одного оставили на берегу, но этот участник их веселой компании в настоящий момент был больше кулинаром, чем дозорным.

Довольно пожилой худощавый немец в очках сидел у костра в паре метров от мотоцикла, лицом к реке, а спиной к дороге, и увлеченно жарил курицу, насаженную на ветку, время от времени весело переговариваясь о чем-то